

2. Барташева А. И. Номинативные аспекты невербальных средств реализации дискурсивной стратегии доминирования / А. И. Барташева // Вісник ХНУ. – Харків : ХНУ, 2004. – № 627. – С. 84–87.
3. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : ВЦ “Академія”, 2009. – 376 с.
4. Иванова И. Б. Риторика: кредитно-модульный курс : учеб. пособие для бакалавров / И. Б. Иванова. – М. : Дашков и Ко : Наука-Спектр, 2013. – 232 с.
5. Остин Джон. Избранное / Джон Остин. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
6. Павлюк Л. С. Риторика, ідеологія, персуазивна комунікація / Л. С. Павлюк. – Львів : ПАІС, 2007. – 168 с.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : “Ваклер”, 2001 – 656 с.
8. Эффективная коммуникация: история, теория, практика. – М. : ООО “Агенство КРПА Олимп”, 2005. – 960 с.

Диомидова Е. Ю. Семиотический и риторический направления в теории коммуникации.

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития одного из основных направлений современной лингвистики – теории коммуникации. Речь идет об риторическом и семиотическом направлениях в русле теории коммуникации, их роль в становлении неориторики и исследованиях современных манипулятивных технологий.

Ключевые слова: коммуникативистика, семиотика, риторика, коммуникация, теория коммуникации.

Diomidova E. Semiotic and rhetorical aspect of the theory of communication.

In this article the author examines the problems and prospects of one of the leading areas of modern linguistics – the theory of communication. This is a rhetorical and semiotic focus of communication theory, its role in the development of new rhetoric and research manipulation technologies of present.

Keywords: communicatvistics, semiotics, rhetoric, communication, communication theory.

Дмитриева Ю. Л.

Горловский институт иностранных языков

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОНЦЕПТА ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на материале произведений С. Есенина и Н. Клюева)**

В статье рассматриваются две основные содержательные формы концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’: понятие и образ. Автор подчеркивает универсальность данного лингвокультурного феномена, который представлен у ариев, греков, скандинавов, славян. В работе приведены основные когнитивные перцептивные и метафорические признаки, формирующие образ мирового дерева.

Ключевые слова: концепт, понятие, образ, перцептивные и метафорические когнитивные признаки, денотат.

Мировое дерево является объектом исследовательского интереса ученых разных областей знания – филологов, философов, историков, культурологов и др. Оно рассматривается как единица культурного вегетативного кода, закреплённая в фольклорных текстах (А. Н. Афанасьев, М. А. Можейко, В. В. Напольских, С. А. Сиднева, Н. И. Толстой, Н. В. Топоров и др.). М. Элиаде описывает символизм мирового дерева сквозь призму религиозных концепций и идей шаманизма. Культурологический анализ концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ представлен в исследовании О. С. Карнауховой. Кроме того, в ряде работ описываются и сравниваются денотаты мирового дерева. В данном случае под термином “денотат”

понимается “множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения)” [11, с. 128]. Такое употребление термина “денотат” восходит к терминологии Дж. С. Милля. В этом случае в денотат “мировое дерево” могут быть включены такие денотаты как “дуб”, “яблоня”, “ель”, “ясень” и т.д. Однако существующие теоретические сведения и исследования не дают исчерпывающего описания образного компонента концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’.

Целью статьи является вычленение и описание образного компонента данного концепта.

Концепт ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ трактуется нами как универсальный лингвокультурный феномен, обладающий этноспецифическими признаками. Он “воплощает универсальную концепцию мира” [12, с. 398]. В традиционной культуре анализируемый концепт является “основополагающим символом упорядоченности мироздания и метафорой генезиса как свершившегося и продуктивного. В рамках архаичной культуры мифологема мирового дерева выступает важнейшим компонентом мифологических космогоний” [6, с. 301]. Универсальность рассматриваемого ментального феномена репрезентирована его понятийным компонентом, который зафиксирован в имени концепта. Вслед за В. В. Колесовым и М. Вл. Пименовой мы рассматриваем понятие (соответственно и понятийный компонент концепта) как “отношение идеи к предмету, то есть понятая (схваченная мыслью, фиксированная в слове) идея – уровень познания, логически пополненное предметным значением значение словесное” [9, с. 39].

Согласно БАС, “дерево – многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листовенную крону” [18, с. 712]. Лексема *мировой* имеет несколько значений: 1) “прилагательное к мир (совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная)”; 2) “охватывающий земной шар, все народы земного шара, имеющий значение для всего мира, всемирный” [16, с. 276]. Приведенные семемы позволяют интерпретировать понятийный компонент концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ как многолетнего растения с твердым стволом и ветвями, имеющего значение для всего мира. Ср.: “Мировое дерево – основополагающий символ упорядоченности мироздания” [6, с. 301]; “Мировое дерево – характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира” [12, с. 398]; “Дождевые тучи, потемняющие небесный свод широко раскинутой и многоветвистой сенью, в глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собой весь мир, – дереву, ветви которого обращены вниз – к земле, а корни простираются до самого высокого неба” [1, с. 626]; “Мировое дерево – в славянской мифологии концепт, мировая ось, и символ мироздания в целом” [15, с. 253].

Понятийный компонент анализируемого ментального феномена отражает результат познавательной деятельности человека, интерпретацию определенного фрагмента мира и его отображение в языковых структурах. Имя концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ метафорично по своей сути, поскольку образовано посредством аналогии. Областью источника становится референт объективного мира, хорошо изученный и понятый, ставший частью нашего постоянного опыта взаимодействия с реалиями материального мира. Областью цели выступает устройство вселенной. Основаниями для отождествления таких гетерогенных сущностей являются “сложившиеся у носителей языка представления о сходстве и различии объектов” [9, с. 143].

Понятие “мирового дерева” выступает одним из инструментов для структурирования и упорядочения информации и представлений о взаимодействии человека с онтологическим миром и его объектами. “Благодаря мировому дереву человек увидел мир как единое целое и себя в этом мире как его частицу... Выделившись из первозданного хаоса, древо стало инструментом для создания Космоса либо самим Космосом. На него, как на ось, стали нанизываться все элементы мира от конкретных богов и животных до отвлеченных понятий вроде временных категорий” [2, с. 160]. С вертикальной структурой анализируемого феномена связаны представления об основных пространственных и онтологических категориях, которыми оперирует человек и которые являются неотъемлемыми компонентами его культурных установок. В их основе мы обнаруживаем образную, метафорическую составляющую.

Образный компонент концепта понимается нами как совокупность когнитивных признаков, отражающих познаваемый объект в сознании. Основным элементом рассматриваемого компонента концепта считается чувственный образ. Он “есть отношение слова (знака) к идее, т. е. *воображаемый* предмет на уровне *сознания*, представленный во всей полноте признаков” [9, с. 38]. И. А. Стернин и З. Д. Попова отмечают неоднородность образа, который формируется посредством перцептивных и образных (метафорических) когнитивных признаков.

Н. В. Топоров указывает, что “образ дерева мирового засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах (нередко с подчеркиванием той или иной частотной функции) – “дерево жизни”, “дерево плодородия”, “дерево центра”, “дерево восхождения”, “небесное дерево”, “шаманское дерево”, “мистическое дерево”, “дерево познания” и т.п.” [12, с. 398]. Ср. вербализацию этих представлений в языке русской поэзии: *Под облачным дровом / Верхом на луне / Февральской метелью / Ревешь ты во мне / С. Есенин/; С древа жизни сиринов спугнуть / И под вихрем крыл сложить былинку / Н. Клюев/; Щаный сад весь в гнездах дум грачиных / Древо зла лишь призрачно голо / Н. Клюев/; Заутра дед расскажет мудрый сон / Про Светлый град, про Огненное древо / Н. Клюев/.*

В разных культурах концепт ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’ реализуется различными денотатами. В частности, А. Н. Афанасьев замечает, что для ариев мировым деревом является фиговое дерево. “Ветви его идут вниз, а корни вверх; на нем покоятся все миры, из него построили боги и небо, и землю; с листьев дерева капает амрита, а под ним растут целебные травы” [1, с. 626]. В зендской мифологии мировым деревом служит “орлиное дерево”, которое считается первоисточником всех целебных трав и растений на земле. В скандинавской мифологии: “Это дерево – ясьень (askr); ветви его тянутся через всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; три корня его идут: один в небесное царство асов, другой в преисподнюю ада, а третий в страну великанов туч и туманов” [1, с. 627]. У греков воплощением мирового дерева также является ясьень, от которого, по древнегреческой мифологии, произошли люди. Как пишет А. Н. Афанасьев, в “Георгиках” Вергилия упоминается о ясене, “который достигает корнями Тартара, и настолько глубоко идут его корни в землю, настолько же в высоту простираются ветви среди простанного неба” [1, с. 629]. В. А. Маслова указывает, что “предание о мировом дереве, которое корнями обнимает землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу” [10, с. 146]. Эта информация дополняется и конкретизируется в “Словаре славянской мифологии”: “На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу. На восточных ветках вяза свила гнездо птица Алконост, на западных – птица Сириин. На

горе Хванруге вырос кипарис – дерево смерти, на горе Березани – береза, дерево поэзии. В Ирийском саду Сварог посадил вишневое дерево, посвященное Вышенно (богу неба в русской мифологии – прим. автора). Рядом с вишневым деревом вырос “солнечный дуб”, который рос корнями вверх и ветвями вниз. В Ирии выросла яблоня с золотыми яблочками...” [17, с. 266]. Ср.: *Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты / Там, под Дубом Покоя накрыты столы / Н. Клюев/; Мы слетелись птицы умные / На совет, на думу крепкую, / Со того ли саду райского – / С кипариса – Божья дерева / Н. Клюев/; Золотые деревья / Свесят гроздьями созвучья, / Алконостами слова / Порассядутся на сучья / Н. Клюев/.*

Таким образом, понятие “мировое дерево” конкретизируется и получает отображение, соответствующее тем или иным культурным представлениям. Так, из приведенных описаний рассматриваемого феномена мы можем вычленим перцептивные когнитивные признаки, которые, в свою очередь, позволяют смоделировать визуальный образ концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’: оно довольно высокое, всегда произрастает рядом с водным источником, имеет обширную разветвленную крону и крепкую корневую систему. Приведенный образ дополняется признаками конкретной разновидности дерева, например, дуба, березы, яблони и т.п.

Б. М. Гаспаров отмечает, что образы тех или иных реалий материального мира не могут существовать в сознании человека обособленно, они всегда составляют определенное единство. Образный отклик возможен “на любые частицы языковой материи, даже если их значение само по себе не предполагает зрительного и вообще какого-либо материального воплощения. Каким бы абстрактным ни был смысл языкового знака как такового, он всегда мыслится в составе какого-то более обширного и потенциально все дальше разрастающегося языкового целого. Наш “абстрактный знак” погружается в языковую среду, в которой всегда присутствуют те или иные образно представимые компоненты и которая в силу этого получает, как целое, образное воплощение” [3, с. 250]. Так, абстрактные представления о структуре вселенной получают конкретное образное воплощение в морфологии мирового дерева. Н. В. Топоров подчеркивает, что “с верхней частью Древа мирового (ветви) связываются птицы <...>, со средней частью (ствол) – копытные <...>, изредка пчелы, в более поздних традициях и человек; с нижней частью (корни) – змеи, лягушки, мыши, бобры, выдры, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища хтонического типа” [12, с. 400]. Показательно, что русская поэзия отображает данные представления концепта ‘МИРОВОЕ ДЕРЕВО’, соотносит его с верхней зоной вселенной и связывает с образом мифической птицы сирин. Ср: *Невеста, я дерево твое, / В тени моей песни – олени; / Лишь браком святиться жильё, / Где сиринный пух по колени / Н. Клюев/; Ель Покоя жильё осеняет, / А в ветвях её Сирин гнездится / Н. Клюев/; В хлебном Спасовом раю, / Запоёт на ели Сирин / Н. Клюев/; Я – дерево, а сердце – дупло, / Где сирин-птицы зимовье / Н. Клюев/.* Согласно данным “Словаря славянской мифологии” сирин – одна из разновидностей райских птиц, обитающих в Ирии. “От головы до пояса Сирин – женщина несравненной красоты, от пояса же – птица. Спускаясь из рая на землю, она зачаровывает людей пением, которое разгоняет тоску и печаль” [17, с. 531]. Отметим, что Б. А. Рыбаков при рассмотрении религиозных воззрений древних славян указывал на некую связь между представлениями о девушках-птицах с архаичными божествами – берегинями: “У нас нет данных о внешнем облике берегинь... Позднейшие сирены с птичьим обличьем, вероятно, являются уже видоизменением первоначальных представлений; об этом говорят и двойственность образа, что являлось попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихией воздуха, а с другой – родство с самим человеком” [14, с. 18]. И так,

использование лексемы *сирин* в языке русской поэзии позволяет соотнести концепт 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО' не только с верхней зоной вселенной, но и с миром человека.

Г. С. Белякова отмечает, что в соответствии со строением дерева у древних людей сформировались не только основные космические зоны: небо – земля – преисподняя, но также основные троичные единства: прошлое – настоящее – будущее, предки – современники – потомки, голова – туловище – ноги, огонь – вода – земля и т.п. [2, с. 160]. Это находит отражение и в русской поэзии: *Три огненных дуба на пупе земном / От них мы три желудя-солнца возьмем: / Лазоревым – облачный хворост спалим, / Павлиным – грядущего даль озарим, / А красное солнце мильонами рук / Подыдем над Миром печали и мук / Н. Клюев/; Из пупа вселенной три дуба растут: / Премудрость, Любовь и волхвующий Труд... / Н. Клюев/* и т.д. Н. И. Толстой при рассмотрении дерева жизни ссылается на апокриф, в котором сказано, что пророк Моисей посадил чудесное дерево, которое сплел из ели, кедра и кипариса. Считается, что это символ Троицы. В приведенных примерах мы квалифицируем денотат “дуб” как входящий в денотат “мировое дерево”, основываясь на метафорических когнитивных признаках, которые создают “сложный” образ, или “ландшафт” (как именует данную совокупность языковых образов, создающих целостный сложный сюжетный образ, Б. М. Гаспаров). Для метафорического признака расположения мирового дерева – *из пупа вселенной / на пупе земном* областью источника является тело человека с его анатомическим центром, а областью цели – мировая ось. Исследователи подчеркивают, что мировое дерево, как правило, располагалось в центре земли, преимущественно на острове. Ср.: “В заговорах Мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана (“пуповине морской”)...” [15, с. 253]; “В русском заговоре “На море, на окяне, на острове Буяне стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями” видна четкая структура троичности...” [2, с. 160]; “Там (в мифическом саду Ирие – прим. Ю.Д.) растет мировое дерево (наши предки полагали, что это береза или дуб, а иногда дерево так и называется – Ирий, Вырий), у вершины которого обитали птицедевы и души умерших” [4, с. 93]; “На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу” [17, с. 266].

Итак, понятийный компонент анализируемого ментального феномена можно интерпретировать (реконструировать) при помощи словарных статей ключевых слов. Данный компонент содержит результат познавательной деятельности человека и является универсальным для рассматриваемого концепта.

Образный компонент концепта 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО', представленный вариантами типа “дерево жизни”, “дерево плодородия”, “дерево центра”, “дерево восхождения”, “небесное дерево”, “шаманское дерево”, “мистическое дерево”, “дерево познания”, включает зрительные когнитивные признаки формы и расположения в пространстве, а также образные когнитивные признаки, на основе которых концепт рассматривается как модель мира с разделением на основные зоны. Необходимо описать все реализованные в текстах произведений С. Есенина и Н. Клюева варианты рассматриваемого концепта, что и станет предметом наших дальнейших изысканий.

Л и т е р а т у р а :

1. *Афанасьев А. Н.* Славянская мифология / А. Н. Афанасьев. – М. : Эксмо; Спб. : Мидгард, 2008. – 1520 с.
2. *Белякова Г. С.* Славянская мифология : Кн. для учащихся / Г. С. Белякова. – М. : Просвещение, 1995. – 239 с.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

4. Грушко Е. А. Русские легенды и предания / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Эксмо, 2004. – 208 с.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми т. – Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы); подг. текста и коммент. С. И. Субботина / С. А. Есенин. – М. : Наука; Голос, 1997. – 467 с.
6. История философии: Энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
7. Клюев Н. А. Сочинения : в 2-х т. – Т. 1 / Н. А. Клюев ; под общ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. – Б. М. : А. Neimanis, 1969. – 212 с. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
8. Клюев Н. А. Сочинения : в 2-х т. – Т. 2 / Н. А. Клюев ; под общ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. – Б. М. : А. Neimanis, 1969. – 479 с. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
9. Колесов В. В. Концептология : уч. пособ. / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – Кемерово : Изд-во КГУ, 2012. – 248 с.
10. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : уч. пособ. / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – 672 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток. – Запад, 2007. – 314 с.
14. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
15. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М. : Международные отношения, 1995. – 689 с.
16. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; 3-е изд., стереотип. – Т. 2. – М. : Рус. яз., 1987. – 752 с.
17. Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В. В. Адамчик. – Мн. : Современный литератор, 2008. – 639 с.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышева. – Т. 3. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 1339 с.

Дмитрієва Ю. Л. Змістовні форми концепту 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО' у російській лінгвокультурі (на матеріалі творів С. Єсеніна та М. Клюєва).

У статті розглядаються дві основні змістовні форми російського концепту 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО': поняття й образ. Автор підкреслює універсальність даного лінгвокультурного феномену, який репрезентовано в культурі аріїв, греків, скандинавів, слов'ян. У роботі наведено основні когнітивні перцептивні та метафоричні ознаки, що формують образ світового дерева.

Ключові слова: *концепт, поняття, образ, перцептивні та метафоричні когнітивні ознаки, денотат.*

Dmitrieva J. L. Substantial forms of the concept 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО' in the Russian language and cultural (researching materials are poems by S. Esenin and N. Kluev).

The article studies the Russian concept 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО' and its substantial forms. The aim of the scientific paper is to focus and to describe the imaginative component of the foregoing mental phenomenon. The notion, as one of substantial forms of the concept, represents some universal senses of this concept. The image is presented with such variants as "дерево жизни", "дерево плодородия", "дерево центра", "дерево восхождения", "небесное дерево", "шаманское дерево", "мистическое дерево", "дерево познания" etc. The author focuses attention in the perceptive cognitive features and metaphors of the Russian concept 'МИРОВОЕ ДЕРЕВО'.

Keywords: *concept, notion, image, perceptive and metaphorical cognitive features, denotation.*